

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO BISO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 911888

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XIX

Buenos Aires, martes, 6 de diciembre de 1966

Буэнос Айрес, вторник 6 декабря 1966 года № 877

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

307. “СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ”. — ПОПЫТКА БРЕЖНЕВА ВОСКРЕСИТЬ КУЛЬТ СТАЛИНА В ТБИЛИСИ МОГЛА ЛИШИТЬ ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ ВЫСТУПИТЬ С ПРАЗДНИЧНЫМ ДОКЛАДОМ. — ДЕМОНСТРАТИВНЫЙ ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ ПРЕЗИДЕНТА ДОРТИКОСА И РАУЛЯ КАСТРО. — ДОКЛАД ПЕЛЬШЕ ПРИ ОТСУТСТВИИ П. Н. ДЕМИЧЕВА И К. Т. МАЗУРОВА НА ТРИБУНЕ ТОРЖЕСТВЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ. — СМЕРТЬ ВСЕМИ ЗАБЫТОГО ХРУЩЕВЦА Н. И. БЕЛЯЕВА. — ХИРОТОНΙΑ ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРА (САБОДАНА) И КОНЧИНА РЕНЕГАТА НАШЕЙ ЦЕРКВИ МИТРОПОЛИТА КРАСНОДАРСКОГО И КУБАНСКОГО ВИКТОРА (СВЯТИНА) И БЫВ. АРХИЕПИСКОПА ГОРЬКОВСКОГО И АРЗАМАССКОГО ИОАННА (АЛЕКСЕЕВА).

“Служение Родине продолжается”, с такими словами обратилась к нам дорогая Татьяна Владимировна, сообщая о постигшей всех нас скорби — потере человека, 13 лет руководившего нашим Движением, среди тягостей, материальных нехваток, последние годы терзаемого тяжким и неизлечимым недугом, продолжавшего славное дело Ивана Лукьяновича, редактируя и издавая нашу газету. Склоняясь в молитве перед Его светлой памятью, отвечаем на этот призыв, раздавшийся в самый день его кончины и достигший до нас через моря и океаны, твердым обещанием — выплнить наш долг, сплотившись вокруг нашей газеты каждый на своем посту за своим делом. Моим долгом считаю продолжать сегодня в 307-ой раз осведомлять наших читателей о том, что творится на многотрадной родине. Господь судил Ивану Лукьяновичу и верному и талантливому его преемнику Всеволоду Константиновичу почить на чужбине вдали от родного народа, которому посвятили свою жизнь, свои труды, последние бдения своих русских верных Государю и Отечеству сердец. Будем продолжать их дело и те из нас, которые с Государем Владимиром Кирилловичем переступят границы родной земли, принесут весть о наших двух руководителях и там продолжат издание “Нашей Страны”. Этот светильник Веры, Правды, Добра поможем новой редакции донести до Белокаменной Столицы, где разгорится ярко, освещая наши города и веси, всем разноплеменным нашим соратникам передавая и внедряя в их умы и сердца доктрину Народной Монархии с памятью о ее творце и его преемнике, 13 лет нас объединявшем и нами руководившем. Мир его душе! Продолжаем его служение!

Почти накануне ноябрьских “торжеств” Брежнев сделал попытку привлечь на свою сторону всех недовольных развенчанием Сталина и сделал это в очень смелой форме: 1-го ноября он произнес, опубликованную полностью, речь в Тбилиси при вручении Грузинской республике ордена Ленина за хозяйственные успехи. В тот же день Косыгин произнес две речи в Донецке (б. Юзовка, потом Сталино) и в Жданове (б. Мариуполе), а Подгорный — в Москве при вручении ордена Ленина Московскому Транспортному Управлению Гражданской авиации, но речи Косыгина и Подгорного переданы в печати пятью-десятью строчками.

Это ясно показало, что Брежнев приказал “Правде” через редак. Комитета по печати Н. А. Михайлова занять полторы страницы номера от 2-го ноября его речью и полстраницы приветствием Мжаванадзе в честь нового диктатора, не оставив даже полного столбца для соперников — Косыгина и Подгорного. Речь в Тбилиси знаменательна тем,

что Брежнев начал ее с восхваления первых пионеров большевизма в столице Закавказья в начале нашего века: Алехи Джапаридзе, Ладо Коцховели, Филиппа Махарадзе, Серго Орджоникидзе, Иосифа Сталина, Александра Цулукидзе, Муха Цхакая. Партийная масса тбилисского и вообще закавказского актива, слушая спокойно этот синодик, разразилась аплодисментами при имени Сталина, что объясняется тремя причинами:

1. Многие увидели в этом возвращении к сталинщине, по которой особенно вздыхают старые коммунисты, сделавшие при нем карьеру, а теперь отодвинутые в сторону.

2. При Сталине Грузия пользовалась всякими поблажками по части налогов и сдачи селхоз. продукции, снабжение товарами было привилегированным, а потому Тбилиси был единственным городом, где доклад Хрущева о развенчании мертвого идола вызвал студенческие беспорядки, к которым примкнули рабочие, особенно, комсомольцы.

3. Даже среди далеких от коммунизма грузин живет воспоминание о том времени, когда их земляк правил б. Российской Империей, брал Берлин, вызывал трепет не только у разбитых немцев, но и англо-американских, пресмыкавшихся перед ним, союзников. Это напоминает, как все армяне гордились тем, что в последние дни жизни Царя-Освободителя их земляк в ответ на покушение установил “диктатуру сердца” и обещал конституцию. Недаром армяне с восторгом говорили: “Одна Кура, один Терек, один Лорис, один Мелик!” Также я знал французских республиканцев и фашистов, точнее “дорновцев” с Корсикки, враждебных Наполеону и его идеологии, но гордившихся тем, что он прославил во всем мире их родной остров.

Но другая часть зала ответила аплодисментами, когда среди русских коммунистов, работавших на Кавказе, он назвал после Кирова М. И. Калинина — это была реакция русской части зала во главе со вторым секретарем груз. ЦК П. А. Родионовым и советским генералитетом с командующим военным округом генералом армии Андреем Трофимовичем Стученко во главе. Самый доклад был исторически бесчестен, ибо в нем не упомянут руководивший закавказскими большевиками в период своей ссылки будущий ленинский любимец Лев Борисович Розенфельд-Каменев, расстрелянный в августе 1936 года, после чего были расстреляны вышеупомянутые Махарадзе и Цхакая и покончил самоубийством Орджоникидзе. Не стоит останавливаться на живых данных о процветании Грузии под властью Брежнева, но самый факт восхваления Сталина и оваций при упоминании его имени произвел большое впечатление не только в СССР, но и среди иностранных компартий. В этом увидели первую ре-

Свидетельство нашего единения

† Редакция газеты “Россия” искренне оплакивает смерть НЕПРЕКЛОННОГО РУССКОГО ПАТРИОТА, САМООТВЕРЖЕННОГО ЖУРНАЛИСТА, БЕССМЕННОГО РЕДАКТОРА-ИЗДАТЕЛЯ ГАЗЕТЫ “НАША СТРАНА”

Всеволода Константиновича Дубровского

скончавшегося 13-го ноября с. г. в Буэнос Айресе, и выражает сердечное соболезнование вдове покойного Т. В. Дубровской и всем сотрудникам и читателям “НАШЕЙ СТРАНЫ”.

“Россия”. Нью Йорк, 25.11.1966

† От имени членов Отдела РОВС в Аргентине и как личный друг скончавшегося белого война и большого русского патриота

ВСЕВОЛОДА КОНСТАНТИНОВИЧА ДУБРОВСКОГО

выражаю сочувствие и разделяю скорбь с глубокоуважаемой Татьяной Владимировной.

Полковник ГЕГЕЛА-ШВИЛИ.

Прислали также письма-соболезнования многие частные лица из Парагвая, США, Бельгии, Бразилии, Германии, Франции, Голландии, Англии, Австралии, и следующие общественные организации:

Высший Монархический Совет (подписано: председатель Прот. Василий Салтовец),

Союз ревнителей Памяти Императора Николая II и Блока Монархического Единства в Лос Анжелосе (подп.: председатель К. А. Мергер, секретарь Г. М. Богданов),

Журнал “Военная Быль” (подп.: редактор А. Геринг),

“Exil et Liberté” (Directeur: Francois de Romainville — А. Гулевич).

Журнал “Часовой” (подп.: редактор журнала Н. Орехов),

Журнал “Родные перезвоны” (подп.: редактор-издатель П. Анненков),

И. д. заведующего Делами Корпуса Императорской Армии и Флота Подполковник Жовтоног,

Журнал “Родина” (подп.: редактор Борис Солоневич).

Выражаю свою глубокую и сердечную благодарность всем, кто в письмах так тепло и искренне откликается на мое личное и наше общественное горе, а также от всего сердца благодарю за поступления на расходы по погребению моего незабвенного мужа.

Татьяна ДУБРОВСКАЯ

ВМЕСТО ВЕНКОВ НА ПОКРЫТИЕ РАСХОДОВ ПО ПОГРЕБЕНИЮ ВСЕВОЛОДА КОНСТАНТИНОВИЧА за текущую неделю были получены следующие суммы:

Собранные М. Е. Марьящев де Креус среди друзей — 11.300 песо, от семьи Гротовых “на погребение дорогого друга и руководителя РНМД незабвенного Всеволода Константиновича Дубровского” — 20 дол., от Союза Ревнителей Памяти Императора Николая II и Блока Монархического Единения в Лос Анжелос — 10 дол., от Л. Соломахо — 10 дол., от А. Верховской — 10 дол., от Н. М. и С. И. Теодорович — 1.000 песо, от С.А.С. — 1.000 песо.

Кроме того, — “от семьи Гротовых вместо венка и в Фонд на продолжение издания “Нашей Страны” — 20 дол., от римских единомышленников и друзей РНМД и разделяющих нашу скорбь итальянских монархистов вместо венка в Фонд на дальнейшее издание “Нашей Страны” — 10 дол.”.

абилитацию развенчанного диктатора и намек на то, что Брежнев готов стать его преемником и по политике и по методам управления. Реакция обиженных за невнимание к их речам Косыгина и всех врагов диктатуры выразилась в решении политбюро вместо Брежнева поручить торжественный праздничный доклад не ему, как принято по традиции, а самому незаметному из состава политбюро выбранному лишь в апреле с. г. Пельше. Но до этого заседания вспыхнул еще один скандал международного значения.

Как известно, в СССР долго гостили, разъезжая по стране, президент Кубы Освальд Дортикос и брат диктатора министр обороны Рауль Кастро. Их пригласили принять участие в состоявшемся 18-22 октября совещании сателлитов СССР по вопросу о военной помощи Сев. Вьетнаму. В совещании приняли

участие вожди партий и правительств и военные министры всех европейских сателлитов — членов Варшавского пакта и в качестве гостей глава Монголии Цеденбал со своим военным министром Лхагвасурена и оба кубинца. На совещании провалено советское предложение о посылке интернациональных бригад смешанного состава, как было в свое время в Испании, ибо румыны возразили, что Ханой формально их посылка не требует, нуждаясь не в воннах, а в усовершенствованном оружии тем более, что Румыния не обладает кадрами, подготовленными для войны в джунглях, к чему присоединились в менее категорической форме поляки, венгры и чехи; последние напомнили, что давно посылают оружие, чего требует Ханой, а не неподготовленные “красные бригады”. Лишь Ульбрихт со своим генералом Хейнцем Гофманом и болгары заявили, что готовы послать свои кадры

для этих бригад. Но тут выступили монголы и кубинцы, заявив, что все участники конференции должны в первую очередь усилить военный потенциал Монголии и Кубы, ибо в случае конфликта СССР с Пекином первой жертвой будет Монголия, а в случае войны между СССР и Соединенными Штатами первый удар американцы нанесут Кубе, авангарду СССР у берегов Америки. Однако, участники конференции отнеслись весьма холодно к предложениям еще наряду с Вьетнамом заботиться о Монголии и Кубе. Поэтому Дорткос и Рауль Кастро демонстративно уехали поездом на Мурманск 3-го ноября, чтоб не приветствовать советские войска с трибуны 7-го ноября. Для маскировки этой неприязни их провожали на Северном вокзале Москвы полным составом политбюро и президиума Верх. Совета во главе с Брежневым, Подгорным и Косыгиним. Но они остановились еще в Мурманске, чтоб показать, что вовсе не спешат домой, посетили там завод "Североникель" и встретились с секретарем Обкома Г. Я. Денисовым и только 5-го отплыли на Кубу. Несомненно, что они могли остаться до 7-го, побыть на параде и на приеме в Кремле и вернуться в Гаванну самолетом.

К торжественному заседанию вечером 6-го ноября вернулись все разъезжавшие члены политбюро: Брежнев из Тбилиси, Косыгин с сопровождавшими его министрами Н. К. Байбаковым (Госплан), В. Э. Дымшицем (Комитет по материально-техническому снабжению), Б. Ф. Братченко (уголь), И. П. Казанцев (черная металлургия) — с Украины, М. А. Суслов — из Финляндии.

Поэтому поражает отсутствие на этом заседании секретаря ЦК Петра Ниловича Демичева и первого зам. председ. совета министров СССР и члена политбюро Кирилла Трофимовича Мазурова. Возможно, что оба просто больны хотя бы легкой простудой, не опасной в их возрасте: первому 48 лет, второму 52 года. Но возможны и иные причины отсутствия. Вспомним, как исчез, а потом умер молодой и здоровый Фрол Ром. Козлов. Но я никогда не обманываю читателей необоснованными предположениями. Еще в прошлой статье я сообщил о том, как пострадал при авткатастрофе командующий столичным военным округом генерал армии Аф. Павлин. Белобородов. Поэтому в отличие от других наших эмигрантов, читателей "Нашей Страны", не удивит, что парадом командовал 7-го ноября его первый заместитель генерал-лейтенант танковых войск Е. Ивановский, до катастрофы 22 октября не помышлявший о подобной чести.

Торжественное заседание вечером 6-го ноября открыл, как полагается, предс. Исполкома Моссовета, член ЦК Влад. Ф. Промыслов, но к общему удивлению поднялся для прочтения доклада не первый секретарь ЦК Л. И. Брежнев, ни кто-либо из его соперников: Суслов, Косыгин, Подгорный или Шелепин, а самый старый по возрасту (67) и самый младший по сроку пребывания в политбюро (с апреля с. г.) Арвид Янович Пельше. Он родился в 1899 г.; при наступлении немцев он с родными эвакуировался в Петроград и сразу же 16-ти лет вступил в партию, за полтора года до Февральской революции и потому теперь вместо вышедшего Микояна является в политбюро единственным членом с подпольным дореволюционным стажем. Других плюсов у него нет. Скудно порчитал он бесцветный доклад (возможно, не им написанный), в котором хвастал достижениями "партии и правительства" на истекший год, причем тщательнее избегал приводить даже трудно поддающиеся проверке цифры, а сыпал голые утверждения: "... СССР превзошел Соед. Штаты — у нас добывается больше железной руды, угля, производится больше кокса, цемента, магистральных тепловозов и электровозов, зерновых уборочных комбайнов, древесины, пиломатериалов, шерстяных тканей... в этом году получен наивысший урожай зерна за все 49 лет советской власти!... выращен неплохой (?) урожай хлопка, сахарной свеклы, подсолнечника, овощей и картофеля, лубяных и других сельскохозяйственных культур".

Пельше умолчал о том, что при большом естественном приросте населения и число потребителей, просящих в этом году "хлеб насущный", является тоже рекордным за все эти злосчастные 49 лет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

СЪЕЗД В СЕУЛЕ

Нам пишут из Мюнхена:

В Сеуле, столице Южной Кореи, состоялся съезд Антисоциалистической Лиги Народов Азии. В съезде участвовали представители антисоциалистических организаций 24 азиатских, африканских и ближне-восточных стран и наблюдатели из Соединенных Штатов и некоторых европейских государств.

Съезд постановил учредить Всемирную Антисоциалистическую Лигу и утвердил проект устава этой Лиги. Ее основание состоится осенью 1967 года в Тайпеи, столице национального Китая на Формозе.

Съезд высказался против ухода американских войск из Южного Вьетнама и призвал Соединенные Штаты к продолжению борьбы с коммунистами во Вьетнаме.

Как и на прошлых съездах Антисоциалистической Лиги Народов Азии, съездом в Сеуле руководили организации и лица, высказавшиеся за расчленение Любой России.

ДЕНЬ НЕПРИМИМОСТИ

Нам пишут из Нью Йорка:

Посвященное Дню Непримиримости русское собрание в Нью-Йорке было в этом году организовано Ассоциацией Св. Георгия, председателем которого состоит князь С. С. Белосельский-Белозерский, а директором — М. Лермоло. Как и в прошлом году, собрание привлекло не менее 1500 участников.

Оно было открыто кн. С. С. Белосельским-Белозерским, после чего хор под управлением Б. М. Ледковского спел американский гимн, а на рояле был исполнен гимн "Боже Царя храни".

В президиуме собрания находились председатели существующих в Нью-Йорке русских организаций: Б. В. Сергеевский, С. Н. Ряснянский, донской атаман проф. Н. В. Федоров, кубанский атаман Б. И. Ткачев, А. П. Волков, Е. В. Балацкий и др. Почетный караул у русского и американского флагов несли члены Патриотической Организации Русских Разведчиков.

За столом президиума сидели, кроме того, первоначальники русской православной митрополии в Соединенных Штатах и Канаде митрополит Иринаей и представитель Архидиоцеза Синода Русской Западнорусской Церкви архиепископ Никон, который прибыл в сопровождении протопресвитера Георгия Граббе и архимандрита Антония (Граббе). В зале были и другие священники обеих юрисдикций.

Собрание почтительно память покойных почетных председателей Ассоциации Св. Георгия — митрополитов Анастасия и Леонтия и бывшего президента Соединенных Штатов Гувера.

Посвященный Дню Непримиримости доклад был сделан на русском языке В. Н. Бутковым, говорившем о необходимости борьбы с коммунизмом и о подвиге участников этой борьбы, начиная с 1918 года и кончая Русской Освободительной Армией генерала А. А. Власова и других антисоциалистических формирований, как Русский Корпус в Сербии, казачьи части и т. д.

Речь на английском языке была сказана председателем американского Центра Стратегической Информации Франком Р. Барнеттом, указавшим на непре-

рывность коммунистической агрессии в мире. Известный журналист Юджин Лайонс, в коротком, но сильном заявлении, решительно осудил подлитоку мирного сосуществования с коммунизмом и сказал, что обличие этой политики — не только право, но и обязанность русских противников коммунизма.

По предложению председателя собрания, оно постановило послать телеграмму президенту Соединенных Штатов Джонсону и заверить его в солидарности участников собрания с той вооруженной борьбой с коммунизмом, которую Америка ведет во Вьетнаме.

После политической части собрания состоялся концерт, в котором участвовали мужской хор "Капелла" под управлением Б. М. Ледковского, певцы Николай Гедда и Константин Москаленко и певица Вера Кузьмина. Благодаря этим участникам концерта, его организаторам удалось достигнуть очень высокого художественного уровня.

ДЕЛО ГОЛЕНЕВСКОГО

Нам пишут из Нью Йорка:

Вторично, за короткий срок, "Нью-Йорк Таймс" отозвался на дело самозванца Голеневского.

3-го ноября эта распространенная и влиятельная газета опубликовала, в виде объявления, открытое письмо Голеневского сенатору Роберту Ф. Кеннеди, брату убитого американского президента, а 13-го ноября она же напечатала, без указания источника, информационную заметку, озаглавленную: "Эмигрант называет выдумкой направленное против него советское обвинение".

В этой заметке "Нью-Йорк Таймс" написал следующее:

"Полк. Михаил Голеневский, перебежчик из польской армии, утверждающий, что он сын российского Императора Николая II, опровергнул утверждение советской газеты о том, что он "темное орудие" американского центрального разведывательного управления.

Полковник Голеневский заявил, что это обвинение, опубликованное 27-го августа "Комсомольской Правдой", является выдумкой, вводящей в заблуждение общественное мнение и поддерживающей направленные против него преступные махинации.

Московская газета написала, что мотивом притязаний полковника Голеневского является его стремление получить 400 миллионов долларов, принадлежащих семье Романовых и якобы депонированных в американских банках. Информация агентства Юнайтед Пресс Интернешенел о статье "Комсомольской Правды" была напечатана в "Нью-Йорк Таймс" 28-го августа.

Центральное разведывательное управление, насколько известно, не отрицает того, что полковник Голеневский был источником ценных сведений, касающихся тайной полиции и системы шпионажа коммунистических стран. Оно, однако, никогда не поддерживало его притязаний на несуществующий российский престол.

Полковник Голеневский, называющий себя Алексеем Николаевичем Романовым, выдвинул свои притязания после того, как он иммигрировал в Соединенные Штаты в 1961 году. Он проживает на Лонг Айленде со своей женой и дочерью".

О. А. ФАРМАКОВСКАЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

Как "Наша Страна" уже сообщала, советская гражданка Ольга Александровна Фармаковская, прибывшая в Бейрут, столицу Ливана, на советском туристичес-

ком корабле, обратилась 16-го октября с. г. к ливанским властям с просьбой об ее признании политической эмигранткой и о предоставлении ей убежища.

Корреспондент американской газеты "Кристин Сайанс Монитор" в Бейруте Джон К. Кулей утверждает, что бегство О. А. Фармаковской косвенно связано с делом расстрелянного в Москве по обвинению в шпионаже в пользу Англии и Соединенных Штатов советского полковника Олега Геньковского.

"Загадка О. А. Фармаковской — сказано в корреспонденции Джона К. Кулея — продолжает удивлять Бейрут. Советский посол в Ливане Петр Дедушкин несколько раз обращался к ливанским властям с требованием о выдаче Фармаковской советскому посольству. Советские источники утверждают, что она находится в настоящее время в распоряжении ливанских властей. Некоторые ливанские официальные лица это отрицают и намекают на то, что она пользуется американским дипломатическим покровительством. Американское посольство это решительно отрицает. Оно прибавляет, что она не получила права политического убежища в Соединенных Штатах. Ее дело, по видимому, войдет в историю холодной войны наряду с делами полковника Рудольфа Абея (разоблаченного в Нью-Йорке советского шпиона) и Олега Пеньковского.

О. А. Фармаковская носит ту же фамилию, что и Вадим Вадимович Фармаковский. Он упомянут в бумагах Пеньковского, как советский морской офицер. Он говорит по-французски и по-английски и был в Москве сослуживцем Пеньковского в Государственном Комитете по координации научных исследований. Этот Комитет, по словам Пеньковского, был в действительности ширмой для работы Главного Разведывательного Управления, руководящего советской военной разведкой. По крайней мере один советский агент в Бейруте спрашивал журналистов и других лиц об Ольге, как журналисты называют Фармаковскую, хотя они ни разу не видели. Высокий комиссар Объединенных Наций по делам беженцев Лесли Гудьир, имевший свидание с Фармаковской, не сообщил ничего, кроме того, что она не находится в помещении Объединенных Наций. Никто из лиц, замешанных в это дело, не желает говорить о нем откровенно. Остается полной тайной, почему О. А. Фармаковская обратилась с просьбой о помощи, чтобы остаться на Западе — это никому не отрицается — и почему она до сих пор не получила этой помощи.

Представителям советского консульства было разрешено увидеться с О. А. Фармаковской. Они требуют ее выдачи, мотивируя это требование тем, что она психически больна. Они утверждают, что она уже была больна, когда выехала из Одессы в октябре с экскурсией, посещающей средиземноморские порты. Ливанский министр иностранных дел Филипп Такла получил из Москвы письма и телеграммы, подписанные мужем О. А. Фармаковским и настаивающие на ее немедленном возвращении. Сама О. А. Фармаковская не имела случая публично высказать свои желания".

В изданных в Нью Йорке в 1965 году на английском языке "Бумагах Пеньковского" упомянут сотрудник иностранного отдела Государственного Комитета по координации научных исследований Вадим Вадимович Фармаковский, морской офицер на службе Главного Разведывательного Управления, побывавший в составе советских делегаций в Италии и Швеции, говорящий по-английски.

советского хозяйничанья на советской земле. Он умолчал о том, что по сравнению с прошлым годом население выросло на 3%, а по официальным данным на 1-е октября с. г. по сравнению с 1-м октября 1965 года улов рыбы вырос всего на 1%, масла, сыра, молока и молочных продуктов (творога, сметаны, сырков, кефира) на 2%, масла растительного всех видов — на 2%, а производство мыла составило всего 89% против прошлогоднего. Поэтому ясно всякому, что не выполнено Хрущевское обещание "перегнать Америку по потреблению молока и масла" на душу населения, но после хозяйничанья его последышей каждый сов. гражданин ест меньше масла, как животного, так и растительного, и рыбы, чем ел при Никите и во всяком случае имеет меньше возможностей помыться мылом, раз 103% жи-

телей бедной страны получили 89% того мыла, которое имели год назад. Это одно сводит на нет все прочитанные старым латышем хвастливые фразы о росте благосостояния всего населения поращенной коммунистической бандой страны.

Ничего нового он не сообщил и в области внешней политики: всё те же жалобы на злых американцев, не позволяющих коммунистическим частям Сев. Вьетнама завоевать Южный, нелепые упреки китайцам в срыве помощи СССР Вьетнаму, полное умалчивание о разгроме компартии и ликвидации ее лидеров в Индонезии, где по численности компартия была третьей в мире после СССР и Китая. Трудно врать об успехах коммунизма, когда две самых сильных партии, к тому же стоящих у власти, между собой ссорятся и нигде не высту-

пают солидарно, а третья политически и физически истреблена верными своему пророку мусульманами Индонезии, не позволившими безбожникам овладеть страной, как это, увы, произошло на православной Руси.

Единственным успехом, которым мог похвастаться Пельше, является дружба с генералом де Голлем, заключенные с его правительством соглашения об экономическом, научном и промышленном сотрудничестве, умолчав, что это был не успех советской дипломатии, а результат смердяковского чувства ненависти генерала к американцам, которые позволили ему в 1944 году вступить в Париж и прослыть "освободителем" от отступивших под напором англо-американских войск германских дивизий. Пельше со злорадством констатировал: "глубо-

(Продолжение на стр. 4-й)

Т. В. Дубровской

ВЕЧНОСТЬ

"Волею Божией, исполнив свой долг перед Богом, Россией и своей совестью, в ночь под 13-е ноября 1966 года скончался Всеволод Константинович Дубровский".

В таком строго-величавом образе пришла к нам тяжкая весть, возможность которой подвергала нас в содрогание уже несколько лет. Теперь это уже не возможность, а суровая действительность. А смерть, — такое явление, что пред ней распадаются все условности и сама интимность теряет свою замкнутость и значение.

Дорогая Татьяна Владимировна!..

А дальше?.. Что можно сказать дальше в такую минуту?..

Когда жена протянула мне Ваше извещение, я, еще не читая его, но увидев крест и черную рамку, сразу понял: свершилось... Это не было неожиданной новостью, все мы готовы были к такому известию; и все же это была тяжкая новость. Как-то хотелось и дальше верить в творящееся перед нами чудо. Оно оборвалось. Ну, расплакался. Ну, сидел в кресле, тупой и неподвижный какое-то время. За полчаса до этого мне рассказали, как умирал только-что еще один известный мне человек. Я в таком возрасте, что вокруг меня, как деревья под топором, валяются мои сверстники. Над тем я не плакал, — не к чему было. Дубровский? А Дубровский уж очень большое место занял в последние годы моей жизни. Не стыдно и поплакать, когда теряешь такого человека.

Кто он был для нас, для меня, для каждого по-настоящему русского человека? Для "нас" — каким-то воплощением того, во что мы веровали и чему служили, магическим фокусом, собиравшим нас в нечто целое. Для меня лично — другом, чью теплую руку я постоянно чувствовал. Для русских, России — тем символом, образцом, который громко заявлял, что ни русский человек, ни его совесть не умерли, несмотря ни на что, — образцом Человека. Он, прикованный к постели недугом, являл собою подлинное чудо воли, долга и служения перед лицом бессмертной истины.

У каждой монеты есть две стороны. На одной из них обычно изображается основной принцип этой монеты, придающей ей цену: тот или иной символ государства, ее выпустившего. На другой — ее обозначенная стоимость. Вот она лежит сейчас перед нами, эта монета, на алой полке всечеловеческой коллекции. На верхней стороне ее изображено энергичное, волевое, полное бодрости и жизни, какое-то убеждающее лицо. Подписано: Солоневич. Вторая сторона не видна, — утонула в алом от крови и покрытом пылью истории бархате. Невидная сторона. Но невидна она, впрочем, лишь тем, кто принципиально не желает видеть: есем плывущим в русле Революции; трезвые же люди давно знают ее цену.

Сам Дубровский писал мало; зато он неуверенно много делал, — до крайности, до последней минуты, до предельного, оставшегося в запасе, усилия. Солоневич прополыхал пламенем; Дубровский всю жизнь прогорел ровным, но упорным, "рабочим" огнем. Но, вероятно, труды Солоневича затерялись бы наповину, не будь около него Дубровский. Знамя, поднятое первым, второй не только поддержал, но и пронес через длинную вереницу лет неповрежденным и непоколебленным. Сколько было соблазнов, тревог и опасностей, сколько вражеских наскоков со всех сторон и с ними — лихой возможности поскользнуться. А он шел и шел, не сворачивая, не изменяя, не отступаясь. Шел, верный своему долгу и совести. Да, такому есть чем гордиться. За три десятилетия — кто укажет слово лжи из его уст или знак предательства? Весь путь его отмечен какой-то сосредоточенной и осторожной, но и открытой в то же время мудростью. Чуждый самонимения, он вел свой одинокий корабль, как велела ему совесть, как подсказывало ему его большое русское сердце.

Кто бы мог его заменить? А некому. Никакой человек незаменим, каждый существует в своем собственном роде. Всеволода Констан. Дубровского все знают, как исключительного человека и как редактора "Нашей Страны". Хотели или не хотели, а присматривались к его фигуре. Нравилось или не нравилось, а счи-

ПРИИМИ, ГОСПОДИ, НОВОПРЕСТАВЛЕННОГО ВСЕВОЛОДА В ТВОИ ОБИТЕЛИ И ДАЙ НАМ ДОСТОЙНО СЛЕДОВАТЬ ПО ЕГО МНОГОСТРАДАЛЬНОМУ ПУТИ

Верные друзья и соратники нашего дорогого усопшего Всеволода Константиновича, мы с трепетом вскрывали последние недели почтовую бандероль с постоянным сообщением "К друзьям" о его тяжких страданиях, о которых оповещал нас каждый очередной номер. Но вот во все концы нашего рассеяния пришла в траурной кайме пусть не неожиданная, но не менее нас сразившая роковая весть. Прекратились тяжкие многолетние страдания, прекратилась героическая борьба стойкого духа против мучительно терзавшего недуга, светлый ум неомраченный многократными ударами беспощадных болезней, перестал руководить нашим Движением, нашей газетой. Не придет больше с трудом отстуканное плохо повинующимся пальцами с перерывами, вызванными мучительными болями измученного сердца, письмо с всегда точными и ясными директивами по РНМД, которые каждый из нас неуклонно выполнял, как на поле брани верные воины выполняют боевые приказы истекающего кровью на смерть пораженного командира.

Кончились муки, кончилось служение Всеволода Константиновича нашей Православной Церкви, которая столько раз помогала своими св. Таинствами своему болящему сыну временно оправляться для продолжения служения своему Государю Владимиру Кирилловичу на путях к освобождению закабаленного народа нашего.

В вечные обители предстал наш дорогой Всеволод Константинович и бесстрашно повторил Всевышнему последние слова Св. Первоапостола Павла: "подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил" (2 Тим. 4:7), заветная нам следовать по своим стопам и его примеру: выполнять до последнего вздоха отекающих легких, до последнего биения мучительно страдающе-

тались с его мнением. Теперь его нет, присматриваться не к кому. Есть много редакторов, — и весьма достойных и талантливых, и посредственных; а то и просто — дряни; но Дубровского нет. Оборвалось что-то, очень важное в жизни, и на этом месте зияет наглая дыра...

Дыра ли?.. Друзья и сотрудники, Татьяна Владимировна! Разве же мы Дубровскому поклонялись, его личности служили? Мы служили чему-то такому, невероятно важному, огромному, главнейшему на земле, что и представительствовал собой и чему тоже, с таким достоинством, служил покойный. Тому, что не обрывается, не пропадает и никогда не пропадет из жизни, — Вечности. Пред ней и ее законами мы и теперь лишь можем склонить голову.

Не все, наверно, представляли, какую роль в издании "Нашей Страны" играла жена редактора. Еще меньше число людей представляли ее личное положение, — жены, друга, хозяйки, сиделки, секретарши, казначея, экспедитора и соредатора одной из важнейших русских газет. И со всем этим она как-то справлялась. Да как же?.. А вот тем самым чудом, которым, наперекор всему существующему, жил и трудился Дубровский. Что питало и вдохновляло этих двух людей, что приносило им на каждый день живую воду? Вечность. Те бессмертные идеалы, которым они оба по мере сил служили. Отсюда и родилось такое внимание и участие к их личной судьбе со стороны русских людей, рассеянных по всему земному шару.

Ныне жена осталась одна. На чашу весов легло тяжкое горе; но с нее же сняты сотни будничных забот. Что переживет? Одиночество — страшный, жестокий испытатель, может быть страшнее всех испытателей, взятых вместе. Нужна совершенно исключительная душевная сила, чтобы противостоять его напору. Имеется ли она на сцене? Думаю, что мы наблюдали ее уже целый ряд лет. Думаю, она явлена нам в самой редакции оповещения. Поэтому с верой и упованием мы можем обратиться к господину Вечности:

— "Благослови, Господи, силу рабы Твоей и дай ей возможность сохранить тот светоч, который зажжен был во имя Твое!"

Дорогой друг! Прими от меня это последнее целование.

П. Соколов

24. 11. 66.

го сердца свой долг перед Господом, перед Государем, перед Родиной, не падая духом ни под гнетом жестокой бесстыдной клеветы, ни в томительных поисках средств для РНМД, для газеты. Ни даже при нестерпимых страданиях пораженной неумолимым недугом плоти, над которой торжествует дух героя-монархиста.

Мы молимся о вечном покое дорогого Всеволода Константиновича, обнимаем мысленно у свежей могилы нашу дорогую Татьяну Владимировну и обещаем следовать за ней в выполнении последнего завета покойного. Татьяна Владимировна в скорбном извещении напоминает нам, что "служение родине продолжается". Измученная совмещаемым с работой по выпуску газеты уходом за мучительно угасавшим любимым мужем, Татьяна Владимировна нашла в себе силу в самый день кончины дорогого человека напомнить нам всем, чего требовал от нас наш почивший ныне монархический вдохновитель. Все продолжают свое дело: ни одно политическое движение не имеет значения, ни будущего без объединяющего единомышленников органа печати. Поэтому каждый из нас выполняет свой долг: подписчики возобновляют подписку на 1967 год, покупатели в розницу номеров идут к киоскам за очередным выпускаемым Татьяной Владимировной номером, мы, сотрудники, высылаем все наши очередные статьи. Обещаю точно в срок высылать четвертую сотню моих статей "На родине" и даже при неизбежных с годами недугах и тяготах работать для РНМД, как до сих пор. Это наш долг перед Государем и родным народом, перед Всеволодом Константиновичем.

Прими, Господи, новопреставленного раба Твоего и научи следовать по нам завещанному им пути.

Алексей Ростов

Глубокоуважаемая и Дорогая

Татьяна Владимировна.

Только что получил сегодня скорбное известие о кончине дорогого Всеволода Константиновича.

Моя жена и я разделяем с Вами Ваше горе.

Вы вписали еще одну славную страницу в бесконечный список героических русских женщин, верных спутниц своих мужей епавших в беду: честь Вам и слава!

Я уверен, что Вы с полным знанием дела будете продолжать издание "Нашей Страны". Являясь старейшим сотрудником почти что с самых первых ее номеров, я и впредь прошу рассчитывать на мое участие в газете, продолжая высылать очередную "Российскую Точку Зрения".

Если в последнее время я стал менее регулярно посылать мои статьи, то это исключительно из-за недостатка времени, о чем я уже не раз Вам писал.

Будучи душевно с Вами в эти тяжелые для Вас дни, шлю Вам мой дружеский привет и низкий поклон.

Преданный Вам

Л. Кутуков

21 ноября 1966 г. (Николай Кремнев)

Секретарь РНМД по особым заданиям и заместитель ген. секретаря Алексей Ростов препровождает для опубликования следующее полученное им письмо:

Париж, 22-го ноября 1966 г.

Секретарю Народно-Монархического Движения по особым заданиям.

В Вашем лице от имени Корпуса ИМПЕРАТОРСКИХ Армии и Флота и своего прошу принять наше искреннее соболезнование в постигшей Народно-Монархическое Движение и "Нашу Страну" потере.

Почивший Всеволод Константинович ДУБРОВСКИЙ был верным Сыном нашей многострадальной РОДИНЫ и верным слугой ГОСУДАРЯ.

Да упокоит ГОСПОДЬ БОГ новопреставленного Воина ВСЕВОЛОДА в Царстве Своем.

Вечная память почившему.

и. д. Заведующего Делами Корпуса ИМПЕРАТОРСКИХ Армии и Флота
Подполковник ЖОВТОНОГ

Глубокоуважаемая

Татьяна Владимировна!

Прошу не отказать в любезности поместить мою небольшую заметку о газете "НАША СТРАНА". До сих пор Вы никогда не хотели предать гласности некоторые моменты, о которых я упоминаю в этой заметке, но в целях справедливости и дальнейшего существования этой газеты считаю ее опубликование необходимым.

Примите уверение в совершенном

к Вам почтении

А. Я. СЕЛЕЗНЕВ

„Наша Страна“

Со смертью дорогого Всеволода Константиновича у друзей и читателей этой газеты естественно возник вопрос: "Что же будет теперь с газетой?"

Благодаря моей личной дружбе как и с основателем этой газеты И. Л. Солоневичем, так и с ее последним редактором-издателем Всеволодом Константиновичем Дубровским, я имел возможность в течение почти 19 лет наблюдать как подготавливался и выпускался каждый номер этой газеты, особенно в течение 6 лет болезни Всеволода Константиновича. Конечно, кроме меня, многие из друзей В. К., проживающих в Буэнос-Айресе, также в курсе дела этой трудной работы, но я уверен, что большинство читателей и друзей этой газеты, — особенно вне Буэнос-Айреса, не знают всех трудностей, которые надо преодолеть при выпуске каждого номера. Вот с этим-то, в кратких словах мне хочется познакомиться всех читателей, и тем самым получить ответ на вопрос: "что же будет теперь с газетой?"

Редакция "Нашей Страны" ютилась в маленькой комнате на скромной квартире Дубровских — и состояла в течение всего времени из двух лиц — Всеволода Константиновича и его жены Татьяны Владимировны. Так как, вследствие болезни, В. К. фактически был прикован к постели, то вся тяжесть по выпуску каждого номера газеты лежала на плечах Татьяны Владимировны. Два раза в неделю Т. В. должна была возить на почту и привозить корреспонденцию, зачастую в очень объемистых

Глубокоуважаемая

Татьяна Владимировна!

Я получил Ваше извещение о кончине Всеволода Константиновича. Оно не было неожиданным. Его долгая и мучительная болезнь подготовила читателей и сотрудников "Нашей Страны" к неизбежному исходу, но неизбежность не ослабила испытанного ими удара.

"Наша Страна" лишилась редактора, который в течение десятилетий был другом и ближайшим помощником Ивана Ликьяновича Солоневича. Она лишилась человека, который, после смерти основателя газеты, сохранил и продолжил ее, несмотря на все те препятствия и затруднения, с которыми связано существование русского печатного слова за рубежом.

Русская эмиграция потеряла редактора независимой газеты, для которого она была не только выполнением национального долга, но и смыслом существования. Эта потеря невознаградима не только потому, что мы особенно бедны людьми, действительно знающими газетное дело, но и потому, что Всеволод Константинович сочетал это знание с работой о высоком политическом и культурном уровне "Нашей Страны".

Вам предстоит поднять и нести тяжелое бремя продолжения его долгого служения русскому антикоммунизму и российской государственной идее. Я не сомневаюсь в том, что сотрудники и читатели газеты поддержат Вас так же, как они поддерживали Всеволода Константиновича своим бескорыстным трудом, вниманием и жертвенной помощью. Поэтому, я не ограничиваюсь выражением Вам сочувствия в постигшем Вас личном горе, но присоединяю к нему пожелание успеха в продолжении того дела, которому Ваш покойный муж посвятил свою жизнь.

Искренне Вас уважающий

С. Л. Войцеховский

23-го ноября 1966 г.

НА РОДИНЕ

(Начало на стр. 1-й и 2-й)

пакетах. Дома должна была прочитывать ее Всеволоду Константиновичу, сортировать, и под его указанием и руководством приготавливать материал на соответствующий номер, а также писать на машинке ответы под диктовку В. К. на полученные письма.

Подготовленный для номера материал Т. В. отвозит в типографию, привозит корректуру и, наконец, едет снова и привозит газету на дом. Начинается работа по экспедиции, в которой Татьяне Владимировне в течение вот уже ряда лет помогает безвозмездно ее подруга М. Н. Павлова-Ловцова. Закончив экспедицию и рассортировав газету в пакеты по странам и городам, Т. В. отвозит все это на почту, а последнее время должна была относить, а не отвозить, так как материальное положение газеты не позволяло делать лишние расходы. Этот круговорот происходил из недели в неделю, из года в год.

Ко всему сказанному необходимо добавить, что кроме работы по газете на плечах Т. В. лежала забота и уход за больным. Очень часто приходилось вставать по ночам, давать лекарства, а то и просто успокоить и рассеять добрым словом. Если в придачу ко всему еще добавлять уборку квартиры и приготовление пищи, то для всякого станет ясным, что такой титанический труд, который выдержала Татьяна Владимировна, — не каждой женщине под силу.

Подготовка газетный материал для В. К. в течение ряда лет, а особенно за последний год его болезни, Т. В. уже с полслова знала желание В. К. и постепенно усвоила его ход мышления, а также и его отношение к каждому текущему событию.

Таким образом, продолжать издание газеты в том же направлении как и до сих пор для Т. В. не будет новостью. Возможно, что на первое время отсутствие главного руководителя и советника в чем-то проявится, но Бог даст, при наличии добрых друзей Т. В. постепенно это выровняет.

Что же касается сотрудников-корреспондентов газеты, то большинство их проживает вне Арктики и надо полагать, что они и в дальнейшем, будут помогать газете как и до сих пор.

Таким образом печатный орган Народно-Монархического Движения, основанный И. Л. Солоневичем имеет все данные для дальнейшего своего существования при ее новом издательстве-редакторе — Т. В. Дубровской.

А. Я. СЕЛЕЗНЕВ

кий кризис переживает созданная американским империализмом в союзе с реакционными силами Европы система НАТО. Не от хорошей жизни ее штабы, выдворенные с французской земли, косят по дорогам Европы в поисках крыши над головой. Но даже малоосведомленные читатели одних советских газет знают, что все покинувшие Париж учреждения НАТО уже нашли в других государствах помещения, которые позволяют им находиться еще ближе от тех боевых частей, которые защищают Запад от возможного советского нашествия.

Весьма спорным именно с большевистской точки зрения является утверждение Пельше, что «то, что делается сейчас в Китае под флагом культурной революции, ничего не имеет общего с культурой и с революцией, ни с марксизмом, ни с политикой социализма». Сидевшие в зале немногие сверстники докладчика вспомнили, конечно, что те же попреки по адресу большевиков и лично Ленина делали в первые годы большевизма всякие меньшевики и эсеры, словом, все, кого Демьян Бедный называл: «соглашатели, социал-предатели и буржуазные лакеи». Они тогда обвиняли обоснованно Ленина в гонениях на ликвидированную им социалистическую печать, арестах социалистов, зверской расправе над лежавшими в больнице Шингаревым и Кокошкиным, в истреблении исторических памятников и культурных ценностей, в разрушении дивных по архитектуре соборов, а теперь советская печать оплакивает разрушение католических храмов, избиение китайских монахов и высылку иностранных, убийства инакомыслящих, разрушение антикварных магазинов, словом, все, в чем китайские красногвардейцы показали себя послушными учениками Ленина, каким был в годы молодости сам дряхлый докладчик.

Фальшиво прозвучали уверения, что день юбилея октябрьской смуты является праздником для всякой семьи, которая его отмечает, как самый радостный, большой и знаменательный. Пельше напомнил, что в ближайшие годы будут два праздника — 100-летие рождения Ленина в 1970 году и пятидесятилетие советского юбилея в 1967 году. Услышав о нелепой ссылке на еще далекий 1970 г., сидевшие в зале, наверно, пожелали уморившему их своим докладом Пельше дожить и остаться на посту председа-

теля Комитета Партии и члена политбюро по крайней мере ко второму из «юбилеев» — совершенного в 1917 году большевиками преступления против своего народа, в котором молодой тогда латыш был одним из мелких соучастников.

Откладываю на будущий раз описание парада 7-го ноября, отметив только, что приказ маршала Малиновского о праздничных салютах перечисляет лишь 4 города: Ленинград, Волгоград, Севастополь и Одессу вместе с крепостью-героем Брестом, исключив из списка внесенный при Хрущеве Киев. Приказ призывает «усиление опасности новой мировой войны» и не скрывает страха советских правителей перед «возможностью получения западно-германскими милитаристами ядерного оружия». Но пока отложим описание самого парада и манифестации, а отмечу любопытную судьбу давно исчезнувшей фигуры.

Когда осенью 1952 года Сталин надумал кровавую расправу со своими ближайшими сотрудниками: Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Микояном, то он поручил Маленкову с Берией подобрать из «молодежи» новый состав секретариата и президиума ЦК. Они тогда, после 19-го съезда, представили ему «плеяду» новых верных ему молодых холопов, куда вошли Аристов, Брежнев, Игнатов, Игнатев, Мухитдинов, Пономаренко, Пегов и также Беляев. Последний родился в Уфимской губернии в 1903 году, окончил начальное училище и поступил в комсомол в 1919 году, работал в ВЛКСМ в Уфе и в 1921 году перешел в партию и сразу командирован учиться в Московский Институт Народного Хозяйства. По окончании курса в 1925 году командирован в Сибирь, где проработал 30 лет в кооперативных органах в Омске, Томске, Новосибирске, проводил коллективизацию, «ликвидировал» зажиточное «кулачество» и в 1940 году стал секретарем Новосибирского Обкома, а с 1943 года председателем Алтайского краевого исполкома, а потом первым секретарем Крайкома партии. В 1952 году Маленков проектировал вступить его в секретариат, но это не состоялось и он продолжал оставаться в Сибири образцовым «хозяйственником», пионером освоения целины. Поэтому в 1955 году Хрущев вызвал его в Москву и провел в секретари ЦК, поручив ему «целинную авантюру». С февраля 1956 года, т. е. накануне XX съезда Николай Ильич Беляев назначен заместителем председателя Бюро ЦК по РСФСР, возглавляемого лично Хрущевым. В июне 1957 году поддерживает Никиту против «антипартийцев» и становится чле-

ном президиума ЦК. В декабре того же года послан возглавить ЦК партии Казахстана, для проведения на месте целинной авантюры, которая проходит далеко не так гладко, как думал Никита.

Осенью 1959 года ранний снегопад покрыв миллион гектаров еще необработанного урожая, который пропал под снегом при неожиданных морозах. Взбешенный Хрущев снял с поста своего любимца, объявив его виновником запоздалой уборки урожая. 20-го января 1960 года, слав дела второму секретарю ЦК Казахской компартии, Беляев выехал в Москву, но Хрущев, лишив его поста члена президиума ЦК, все же послал первым секретарем Крайкома в Ставрополь. Надо заметить, что Крайкомы являются в партийной номенклатуре важнее простых Обкомов, уступая первенство ЦК компартий Союзных республик. Однако, через год, в январе 1961 года, на этот пост назначен Л. Н. Ефимов, а Беляев просто исчез, причем не объявлено о его снятии по болезни и даже не было ясно, находится ли он на свободе. Теперь анонимная «группа товарищей» сообщает в «Правде» от 30-го октября с опозданием на сутки, что «28-го октября скончался член КПСС с 1921 года, персональный пенсионер союзного значения Николай Ильич Беляев». Ничего не сказано о причинах смерти, не упомянута тяжелая или продолжительная болезнь. В некрологе сказано, что был членом ЦК с 1952 по 1961 год и членом его президиума с 1957 по 1960 год. Отсюда ясно, что его не переизбрали на XXII съезде 1961 года. Некролог кончается уверенным, что «светлая память о нем надолго сохранится в наших сердцах», то есть в сердцах этих не поставивших своей подписи товарищей. Отсюда ясно, что его считают нынешние правители провинившимся, раз никто из них не дал своей подписи. Вполне возможно, что в 1961 году Хрущев его посадил, но по свержении зловещего диктатора его выпустили из заключения и дали персональную пенсию, ибо ему минуло 61 год. Из некролога, молчащего о похоронах, можно предполагать, что Беляев умер где-то «далеко от Москвы», возможно в родной Сибири или Башкирии, где родился 63 года назад. На воспроизведенном в печати снимке он выглядит здоровым и даже молодожавым.

Как всегда с независимым от меня опозданием сообщая новости Московской Патриархии, ибо его единственный официальный орган выходит всегда с огромным опозданием. Поэтому лишь теперь могу сообщить биографию хронотонисанного во епископа Звенигород-

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДВАЛ

Н. Кусаков

СТАРИНА

Рассказ

(Продолжение. Начало см. в № 875)

Не выдержав длительного стояния, Федор вслед за братом присел в кресле, и тут незаметно подкрашивая усталость его сломил. Явь смешалась со сном. Сон — с явью. Волоков понимал, что находится возле тела матери, но одновременно с этим он сознавал, что находится в учительской, что перемена кончилась и что надо скорее идти в класс. Звонки настойчиво требовали: Иди в класс! Иди в класс! Но тут некая сила держала его, не давая возможности даже пошевелиться. Волоков, однако, старался пересилить то, что его держало, потому что звонки упорно и резко требовали своего. Урок уже начался. Наконец, Волоков очнулся.

На столе лежало прямое тело матери.

Он сидел в кресле.

У входной двери звонок трещал настойчиво и повелительно. В квартире все спали. Сидевший в другом кресле брат ничего не слышал. Было начало четвертого. Едва брезжил рассвет. Федя поднялся на звонок. Пройдя по коридору, он открыл входную дверь. Пришедших было трое.

Один — в военной форме. Из-за его плеча торчало растерянное и полное любопытства лицо своего же управдома. Второй из пришедших назвал Марию Владимировну Волкову.

— Где ее квартира? Она дома?

— Это моя мать. Она еще дома, — с вызовом в голосе сказал Федор Яковлевич.

— Почему «еще»? В этот час учителя бывают дома.

— Так! — отрезал Волоков.

— Нам нужно ее видеть.

— Идемте.

Едва войдя в комнату, Волоков включил полный

свет и брат, очнувшись ото сна, испуганно подскочил в кресле.

— В чем дело? Что случилось?

Вошедшие остановились, как вкопанные. При своих ночных посещениях они навиделись всяких видов. Тем не менее мертвое тело на столе произвело на них впечатление ошеломляющее, особенно потому, что именно мертвеца-то этого они и пришли арестовать. Впрочем, увидев, какой оборот приняло дело, человек, одетый в военную форму, видимо призвав все свое самообладание, с нарочитым спокойствием произнес:

— Вы — сыновья товарища Волоковой?.. Мы представители комиссии по улучшению быта старейших учителей. Простите, что пришли в такой час. Иначе было невозможно. Что? Скоропостижно?..

Брат молча кивнул головой.

— Паралич сердца.

Гомаявшись с минуту, пришедшие еще раз извинились и отправились к выходу. Проходя по коридору и думая, что это пройдет незамеченным, один из пришедших вполголоса бросил другому:

— А во-время же старуха в ящик сыграла.

— Да-да, — процедил другой, — успела отдать концы.

Они ушли.

Было явно, что приходили арестовать мать. Было же это во время Ежовщины и учительницей немецкого языка быть было опасно.

— Хотел бы я знать, — проговорил брат, — кто именно из ученой коллегии донос состряпал?

Братья больше не заснули. Они молча стояли у стола, глядя то на тело матери, то друг на друга. За окном Москва начинала свой шумный день.

Мать действительно умерла во-время. Успела. Некоторое время братья опасались, что ночной визит будет иметь какие-нибудь последствия. Но дело, по-видимому, забылось.

Между тем время катилось своим чередом. Федора захватил вскоре же начавшийся учебный год. У брата жизнь шла своей колеей, и около того времени, когда выпадает снег, брат женился. Жизнь пошла по-новому. В тесноте, да не в обиде, и все-таки жить втроем в одной комнате было слишком тесно, да Федор понимал еще и то, что он — третий лишний. Попытавшись достать себе самостоятельное жилье, он

вскоре сообразил, что легче выиграть сто тысяч, чем найти комнату в Москве, и решил перебраться из Москвы в провинцию.

Подав соответствующее заявление, он довольно быстро получил назначение и при надлежащих документах довольно легко оказался в районе городке в должности директора школы 2-й ступени. Нашлась ему и комната и, хотя первое время было очень неловко в одиночестве и на холостяцком положении, он быстро осваивался и вскоре привык к новому месту и к новым людям.

В провинции, впрочем, его долго не покидало щемящее чувство разлуки с Москвой. А какой москвич не влюблен в Москву? Изглядить тоску этой разлуки не могла ни кипучая деятельность, ни одинокие прогулки, ни вечеринки, а потом, по весне, пикники с коллегами и старшими школьниками, и снова и снова он искал и находил утешение в обществе своей семейственной подруги.

В поисках развлечения, а еще больше по старой московской привычке, Волоков и здесь организовал струнный оркестр. Он составил из старших школьников и учительской молодежи, и под дирижерскую палочку Федора Яковлевича Волокова струнники стали играть слаженно и исполнять даже и весьма замысловатые вещи. Когда пришла весна, когда прошла экзаменационная горячка, когда кончился учебный год, то чувство тесного общения между учащимися и самими учащими еще продолжало быть живым, они все частенько собирались вместе, и любо-дорого было послушать, как звучали струнные аккорды, когда вся мандолинно-балалаечная ватага, на лодках забравшись в загородную рощу и усевшись возле прибрежного кустарника, оглаждала спокойную заводь простыми мелодиями своего репертуара.

Незаметно спускался на рощу вечер, в небе загорались звезды, из-за верхушек камыша подымалось зарево восходящей луны...

Три-раз-два, три-раз-два, три-раз-два, три... Тренькали мандолины, дребезжали балалайки и гулко ухала гитара, давая общий тон и отмечая четкий ритм. И им всем было хорошо.

Такого покоя в Москве не сыщешь.

А все-таки сердце щемило, и все-таки искало то, что наполнило бы потерю, вызванную разлукой

ского, но с пребыванием в Женеве постоянным представителем Патриархии, Владимира Сабодана. Хиротония состоялась 9-го июля в Лавре. Совершили ее митрополиты Пимен и Никодим, архиепископ Киевский Филарет (непонятно, почему он еще не возведен в митрополиты), архиепископ Минский Антоний, епископ Волоколамский Питирим и епископ Зарайский Ювеналий.

Виктор Маркианович Сабодан, родившийся около Черкас на Украине 23-го ноября 1935 года, является самым юным из советских епископов, ибо на два месяца моложе Ювеналия. В 1954 году он поступил в Одесскую семинарию, за ней кончил в 1962 году Ленинградскую Духовную Академию со званием кандидата богословия по защите диссертации «Христос Спаситель — Начальник мира». Поехал сразу преподавать в родную ему Одесскую семинарию, где в июне стал диаконом и на другой день священником, а в августе иеромонахом. Там он преподавал три года, став скоро старшим помощником инспектора и секретарем Одесского епархиального управления. В 1965 году не достигнув полного 30 лет назначен ректором семинарии, а через год в сане архимандрита едет на полгода заместителем начальника Духовной Миссии в Иерусалим, где недоумевают не только православные, но и израильские власти, почему все молодые духовные карьеристы должны обязательно провести хоть полгода на административных постах в этой Духовной Миссии; чтоб приобрести дипломатический навык или там привыкнуть общаться с неправославным духовенством и тонкими дипломатами израильского министерства иностранных дел?

Молодой епископ немедленно по хиротонии выехал к новому месту служения в Женеву, где сразу же вводится в круг отношений опытным прот. Виталем Боровым.

Полученный мной № 9 «Журнала Московской Патриархии» кратко сообщает полученное в момент набора номера известие о том, что «18-го августа 1966 года в Краснодаре после непродолжительной болезни скончался на 74-м году жизни высокопреосвященный митрополит Виктор (Святин). Отпевание и погребение было совершено сонмом иерархов 21-го августа с. г. в Краснодаре».

О почившем могу сообщить больше, чем скажет нам через месяц его официальный некролог.

Леонид Святин родился в 1893 году в Верхнеуральске в военной семье. Был студентом Духовной Академии, откуда был призван во время Мировой войны, которую кончил офицером, затем сра-

жался против коммунизма в рядах войск незабвенного адмирала Колчака. Отступив с войсками в Китай, принял постриг в 1921 году в Тянь-Цзине, где священствовал 11 лет. В 1928 году возведен в архимандриты и через год стал пастырем Дома милосердия в честь св. Серафима Саровского в том же Тянь-Цзине. Осенью 1932 года поехал для хиротонии в Белград, где хиротонисан 6-го ноября 1932 года Блаженнейшим Митрополитом Антонием в нашей Свято-Троицкой церкви в Белграде. При этом Владыка произнес трогательное слово, в котором указывает на особые черты его посвящения: хиротонисаемый епископ «сменил оружие военное на духовное и будет нести служение в стране, где господствует беспросветная тьма язычества. Эту тьму пыталось разогнать, так называемое, христианское просвещение, но оно вместо языческой веры насаждало там неверие и безнравственность... новый Владыка несет на себе благословение двух почивших праведников — митрополита Иннокентия, до глубокой старости стоявшего, как и ерушимый столп благочестия и мужественно сносившего всяческие клеветы, и другого, в молодые годы посвятившего себя «Христову делу — епископа Иоанна»... Среди новой паствы епископ будет не один: «найдешь много людей благочестивых, благодетельных, особенно горячо прилепившихся ко Христу после пережитых общероссийских несчастий, через которые Господь очищает и приближает к себе людей, делая их более близкими к Себе, чем до пережитых страданий...» (полный текст см. «Жизнеописание Блаж. Антония, митрополита Киевского и Галицкого, архиепископа Никона, том V, стр. 282-283).

Вернувшись на Дальний Восток, Владыка Виктор стал епископом Шанхайским, а через год архиепископом Пекинским. Во вспыхнувших вскоре военных событиях он обратил свой меч духовный на служение японским оккупантам Сев. Китая и его японофильство резко отличало его от прочего православного духовенства. Подобно архиепископу Серафиму (Лукайнову) в Париже он избегал вытекавших из активного коллаборанства неприятностей явкой с повинной в советскую юрисдикцию и переходом на службу советским оккупантам. При сравнении его поведения с нашим митрополитом Филаретом, можно сказать, что Владыка Филарет дает нам пример, как должен поступать Христов пастырь, а Владыка Виктор показал недостойный пример того, как не должен поступать хиротонисанный нашим Великим Аввой архиепископ. При-

зывая в своих проповедях паству прославлять богоборческую власть, Владыка Виктор продолжал править своей епархией и в 1950 году поехал за директивами в Москву. В 1952 году стал Патриаршим Экзархом Дальнего Востока и на этом посту опозорил свое имя нелепыми протестами против американских «зверств» в Корее, обвиняя их в сбрасывании зимой зараженных холерой мух, которые почему-то не мерзнут на лютых морозах, а разносят заразу, и зараженных чумой крыс, от которых не было в коммунистических тылах ни одного случая ни чумы, ни холеры. В 1954 году Владыка Виктор вызван в Москву и назначен членом Синода в качестве экзарха Дальнего Востока. Но в 1956 году в связи с упразднением его соглашения с Мяс Дзе этого экзархата переведен архиепископом в Краснодар и с тех пор выбыл из состава Синода и больше в столицу этого перебежчика в советский лагерь не вызывали. Однако, в 1962 г., накануне его семидесятилетия, Виктор возведен в митрополиты, продолжая держаться на далекой Кубани, где он теперь отошел в иной мир.

Несколько раньше митрополита Виктора скончался 16-го июня в Горьком после продолжительной и тяжелой болезни пребывавший там на покое бывший архиепископ Горьковский и Арзамасский Иоанн, годом старше митрополита Виктора.

Георгий Михайлович Алексеев родился 20-го января 1892 г. в Гатчине, тогда резиденции Царя-Миротворца Александра Третьего. Отец его был служащим, возможно, дворцового управления, о чем, конечно, не упоминает некролог. Кончил гатчинское реальное училище, поступил в 1910 году в Технологический Институт, но набожного юношу не пленяла профессия инженера и через 4 года он сменил Институт на Духовную Академию в том же Петрограде, которую закончил в 1918 году со степенью кандидата богословия.

Наступление войск генерал Юденича позволило ему отступить с ними в Эстонию, где он 13 лет преподавал в разных учебных заведениях Таллина. В 1931 году принял священство, а позднее (не сказано — когда) стал настоятелем кафедрального собора. Овдовев в 1952 г., принял монашество и хиротонисан во епископа Таллинского и Эстонского, приняв при постриге имя Иоанна. Хиротония состоялась в Москве три года спустя после пострига 25 декабря 1955 года. Шесть лет правил епископ Иоанн Таллинской епархией, но в 1961 году должен был уступить кафедру юному Алексею Ридигеру. Иоанна перевели в

Горький с возведением в сан архиепископа, где он правил, проживая там безвыездно еще 5 лет. В 1963 году он заболел и с 1964 года не мог уже посещать храма и совершать архиерейских богослужений. Но все же оставался правящим архиепископом. Только 25-го мая 1965 года архиепископ был «уволнен на покой с назначением соответствующей пенсии», но продолжал проживать в архиерейских покоях. 6-го июня угасающего Владыку соборовали, а 16-го июня он почил.

О бодрости 89-летнего патриарха можно судить по тому посещению храма в Васильевке в 55 км. от Одессы, о котором сообщает «Журнал Моск. Патр.». Прибыв на автомобиле, патриарх отслужил молебен, осмотрел храм, похвалил настоятеля ипил у него на квартире чай. В Ленинграде Владыка Никон служил в разное время в Троицком соборе Лавры, в Иоанно-Богословском храме Духовной Академии, в Николо-Богоявленском соборе, в церкви прав. Иоана на Волковом кладбище и Никольской церкви Охтенского кладбища. Будем надеяться, что службы еще совершаются в трех неупомянутых храмах: Св. Гентелеймона, Спасо-Преображенском (бывш. всей гвардии) соборе и чудной церкви «Кулич и Пасха» около Ижорки, куда перенесены были два чудотворных образа Богородицы из разрушенных церквей: на углу Воскресенского проспекта и Шпалерной улицы (был перевезен из Москвы благочестивой сестрой Державного Строителя столицы Натальей Алексеевны) и из храма у стеклянного завода («икона с грошиками» прославленная чудом в грозу 1888 года). Из хроники можно установить, что службы идут еще в следующих храмах: Никольском в Мурманске, села Малиновки Ровенской епархии, в храмах Нерукотворного Спаса и Иоанна Златоуста в Костроме, в селах Судиславль и Селище Костромской епархии, в г. Саранске и Кузнецке и селе Атяшево Пензенской епархии, в г. Ахтырке Сумской епархии, в селе Горюнки Тамбовской епархии и в 4-х храмах г. Тулы — кафедральном соборе, храме 12 апостолов, св. Дмитрия Солунского и Спасском. Это может заинтересовать тех читателей, которые когда-либо молились и теперь в рассеянии в этой весте найдут отраду.

4 иеромонаха из Псково-Печерского монастыря переведены «на постоянное послушание» в Гантелеймоновский монастырь св. горы Афон. Так при содействии патриарха Афинагора Москва постепенно овладеет нашими святыми обителями, еще не подчинившимися советскому безбожью. **Алексей Ростов**

с любимым городом. Но... одно дело искать, а другое — найти. В конце концов, Федор Яковлевич все же нашел искомую величину, но эта находка произошла при таких странных обстоятельствах, что вместо покоя принесла ему ужасное беспокойство. Случилось это все вот как:

Одна из учениц, окончивших школу, Варенька Студенцова, так привыкла к месту, в котором провела школьные годы, что и после окончания года, после выпускного акта, все равно продолжала посещать школу даже и во время летних каникул. То она заботилась о школьной библиотеке, то собирала малышей на какие-то праздники и постоянно была непремленным участником всех затей, бывших начинаниями Федора Яковлевича.

Все окружающие уже привыкли к тому, что Варенька неизменно оказывалась повсюду и везде, где бывал Волоков. В его присутствии она оживлялась и даже хорошела. Волоков в обществе Вареньки чувствовал себя непринужденно. Ему с нею было весело и легко, но выделять ее как бы то ни было из общей массы окружающего народа он и не думал. Началась вся эта комбинация вскоре же после того, как Волоков «возник» (он любил так говорить) в школе в этом маленьком городе, и продолжалось всю зиму и все лето. Когда же где-то в начале мая Варенька страшно осунулась и похудела, то Волоков проявил заботу о ней и хладнокровно заметив, что ей следовало бы отдохнуть, помог ей достать путевку в дом отдыха, да еще и в компании мамы. Когда Волоков об этом говорил Вареньке, она смотрела на него глазами полным отчаяния и пришла домой в ту ночь долго не могла уснуть. Матери казалось, что девочка ночью безутешно рыдала. Во всяком случае на подушке она обнаружила следы слез.

С отъездом Вареньки вокруг Волокова образовалась какая-то пустота. Казалось, словно что-то было не на месте. Ему стало не хватать Вареньки. Без нее он стал ощущать непреодолимую тоску одиночества и как-то вдруг сообразил, что это пришла любовь, что в его жизни Варенька Студенцова занимает самое главное место и что без нее жить он не может. Поздняя первая любовь безраздельно овладела всем его существом.

По началу он было твердо решил ждать воз-

вращения Вареньки из отпуска, чтобы говорить с нею, как только она придет, но потом и на этом этапе ему пришлось переменить тактику. Хотя отпуск уже был на исходе, общение с Варенькой оказалось ему так необходимо, что ждать начала сентября стало невыносимо.

И тогда, темной августовской ночью, когда деревня дом провинциальной постройки весь дышал свежим запахом яблок и от этого весело было на душе, когда сквозь открытое окно из безмолвной глуши деревенского сада всей силой своей непреодолимой любви ему в лицо дышала земля, благоухавшая нешчерпаемым ароматом, ... вот тогда именно Федя Волоков и написал Вареньке.

Всё, чем билось сердце, — всё, чем дышала душа, — всё, что мечталось и грезилось, ... всю свою любовь он высказал Вареньке в эту теплую, темную августовскую ночь.

Когда перечитал, то его бросило в жар. Боже, Боже! Ведь у него не было ни малейшей причины надеяться, чтобы Варенька не отвергла его. Еще высмеет его с подругами... Еще и про него станут по городу пускать карикатуры: «Влюбленный шкраб!» Это как про Чеховского Беликова. «Влюбленный антропос».

Он в упор глядел в лицо ночной темноты, и кусты из сада ему шептали что-то спокойное, что-то дружеское и ласковое, что-то такое, от чего на сердце делалось легко и спокойно. Он поднялся от стола, заклеил письмо в конверт и тут же ночью сделал прогулку на почту, и бросил письмо в ящик. Возвращаясь домой, он взволнованно представлял себе всевозможные варианты сцены своей встречи с Варенькой после ее приезда из отпуска.

Было пять часов утра, когда он лег спать. Сон пришел сразу.

В шесть часов утра его разбудил резкий стук в дверь.

Ему была вручена повестка. Повестка требовала, чтобы старший лейтенант запаса Федор Яковлевич Волоков немедленно явился в «Райвоенкомат». Волоков решил, что вызов будет для выяснения какой-либо подробности, что после посещения Райвоенкомата он прямо отправится в школу. Маляры кончали покраску здания. Так с мыслью о том, что к восьми он

уже будет в школе, с заботой о том, что после бессонной ночи и день будет трудным, Волоков вышел из дому. Вышло, однако, иначе.

Это были последние дни августа тридцать девятого года. В тот день еще не высохла краска печати на газетах, поразивших весь мир сообщением о союзе, заключенном между Гитлером и Сталиным. Риббентроп после переговоров выехал в Берлин из Москвы.

Двор «райвоенкомата» был до отказа забит народом. Будучи командиром запаса, Волоков был вызван в канцелярию особой повесткой и ему не пришлось ждать очереди. К восьми он действительно освобожден, но в девять был не в школе, а в купе вагона, в поезде, мчавшем его на запад. В руках командировка: явиться туда-то. Формирование.

Тысяча девятьсот тридцать девятый год.

Германия — Польша.

Франция — Англия.

1-го сентября началась война.

На запад двигались бесчисленные эшелоны, полные мобилизованных. Двигались эшелоны, груженные военным оборудованием, двигались поезда площадок с пушками, с танками и с бесчисленным множеством серых грузовиков. На Запад. На Запад. Волоков не мог прийти в себя. Ему все казалось, что вот-вот прорвется и пойдет в школу.

Маляры кончали покраску здания. С ними надо расплатиться. Надо было проверить удачно ли составилось расписание уроков. За канцелярию можно было быть спокойным: там была Варенька. Мелькали станции, деревни, города. Повсюду толпы мобилизованных. Оставленные без питания, они на станциях рыскали в поисках возможности достать чего-нибудь. Все лавки были пусты.

Есть нечего.

Поезд идет на запад.

Вапнярак. Проскуров. Ярмолинцы.

Каменец-Подольск. 17-ое сентября тридцать девятого года.

Советский Союз решил протянуть руку помощи польскому пролетариату, восставшему на своих панов. Началась оккупация восточных районов Польши.

Схватенные на живую нитку, организационно оформленные новые части выглядели странно. Не зная

ДВА ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ И ДОРОГИХ ЮБИЛЕЯ

(к 25-летию хиротонии Владыки

Леонтия Чилийско-Перуанского)

14/27 ноября 1941 года в праздник св. апостола Филиппа имело место на освобожденной временно от ига безбожной власти Украине впервые открытие, совершившееся лишь в великой тайне под гнетом террора церковное торжество: хиротония во епископа долго пребывавшего в подполье исповедника нашей потаенной Церкви архимандрита Леонтия, который в настоящем году празднует два юбилея: своего земного шестидесятилетия и двадцатипятилетия ангельского чина епископа нашей малой числом, но истинной Православной Церкви.

Вознося Господу наши молитвы о дорогом Владыке, поведаем читателям некоторые данные о юбилея. 17-ти лет скромный юноша Филиппович поступил послушником в полузаключенную, гонимую, притесняемую Киево-Печерскую Лавру, не поддавшись естественному искушению музыкально одаренному и обладавшему дивным голосом молодому человеку стать советским оперным артистом, пройдя через комсомол и советскую консерваторию. Глубокая вера удержала его: “все это дам Тебе, если падишь поклониться мне” (Луки 4:6-7). Маленькая сделка с собственной совестью, словесный компромисс и... мы читали бы в этом году в советских газетах “о награждении по случаю шестидесятилетия народного артиста СССР Филипповича орденом Ленина”: земные блага, слава артиста, аплодисменты в Большом театре... Но юноша этим не соблазнился и начался для него узкий путь, ведущий в Царство Небесное. Через 4 года он оставляет хор и, верный монашескому послушанию, отправляется в Ленинград, где служит в Киевском Подворье своей Лавры на Васильевском острове. Три года пребывания в безбожной столице, колыбели большевизма, позволяют ему получить тайне богословское образование в полуподпольной Духовной Академии. Но молодой перомонах не приемлет декларации митрополита Сергия Старгородского и его последующих решений и для него начинается скорбный путь потаенного пастыря, которого безбожники именуют “попом-передвижкой”. Дальше неизбежный на этом пути концлагерь и новое за ним подвижничество.

В ежовщину тщетно ищут отца Леонтия по колхозам и совхозам родной Украины: он продолжительное время тайно проживает в самой Хрущевской сто-

† 28-го ноября с. г. скончался наш боевой друг
**ПЕРВОПОХОДНИК - МАРКОВЕЦ ПОРУЧИК
 СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ НАДЕИН**
 Вечная память до конца верному России солдату.
 РОВС в Аргентине.

† 27-го ноября с. г. Волею Божией скоропостижно скончался
 1-го Стрелкового имени ген. Дроздовского полка
**ШТАБС-КАПИТАН
 СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ АНДРЕЕВ**
 27-го ноября погребен на Старом Русском кладбище в Асунсионе (Парагвай),
 о чем сообщают убитая горем вдова и друзья.

† Волею Божией, 24-го ноября с. г. в Буэнос Айресе скончался
**ПОРУЧИК АРТИЛЛЕРИИ
 БОРИС ЕВГЕНЬЕВИЧ ОСТРОВСКИЙ**
 25-го ноября был погребен на кладбище Сан Мартин, о чем сообщает
 Владимир Борисович Островский с семьей.

† 24-го ноября с. г. скоропостижно скончался наш белый брат
БОРИС ЕВГЕНЬЕВИЧ ОСТРОВСКИЙ
 Вместе с чинами Русского Корпуса оплакиваем безвременную кончину нашего боевого друга.
 РОВС в Аргентине.

† 10-го декабря с. г. в 6-ю годовщину кончины
КЛЕОПАТРЫ ДАВИДОВНЫ АССЕЕВОЙ
 на Британском кладбище в 17 часов будет отслужена заупокойная лития.
 Семья почившей.

лице — в Киеве, найдя приют у двух потаенных монахинь. Тайно верующий работник милиции предупреждает верных монахинь о том, что на его след напали и ему пора скрыться из Киева. Особенно драматичны его скитания перед войной и в первые месяцы войны. Но вот, нет больше советского террора. Безбожники бежали с Украины и волею народа 25 лет тому назад отец Леонтий становится в 35 лет епископом Леонтием. Но нельзя было бы сказать, как про современных советских архиереев, что он слишком рано получил санагию, ибо как в осажденном Севастополе, так и

в нашей потаенной Церкви: "... в путешествиях, в опасностях на реках (хотя бы на Днепре и Десне), в опасностях от разбойников (таковыми были ежовские чекисты), в опасностях от язычников (хуже них советские безбожники), в опасностях в городе, в опасностях в пустыни... в опасностях между жемчужинами, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в нагоде" (2 Кор. 11: 26-27) один месяц исповеднического апостольского скитания может почитаться за год.
 Мысленно празднуя с дорогим Вла-

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS
 Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
 TATIANA K. DE DUBROWSKY
 MONROE 4219, Dep. 10
 BUENOS AIRES (30)
 T. E. 52-7426

МАР ДЕЛ ПЛАТА
CALLE OLAVARRIA 2747
 T. E. 23888
 Сдаются комнаты и кровати для отдыха от 1-го декабря 1966 г. до 1-го апреля 1967 г.
 4 ½ квартала от пляжа Бристоль. Справки по тел. 86-3858 по будним дням после 8 час. веч. и по воскресеньям — целый день.

ДОКТОР
 Кира Николаевна
КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН
 п р и н и м а е т
 по пятницам от 18 до 20 час.
 по субботам от 16 до 18 час.
AMENABAR 4156 CAPITAL
 Новый телефон 701-8413

дыкой Леонтием, о. Веннамином, благослышными монахинями святой обители на улице Патронато 25-летие его епископского служения, хочется отметить, что на этой далекой кафедре при малом численности его стаде Владыка заслужил глубокое уважение всех местных властей и пiousного населения. При скудости средств и убогости жилья это первый из епископов нашей Синодальной Церкви, принятый с почестями президентом республики. Католический кардинал и местные богословы мне лично говорили и писали, что трогает их его глубокая вера, преданность своей Церкви и праведное житие. Не хочется огорчать празднующих в Сантьяго этот юбилей моим искренним пожеланием: хотел бы я дожить до того дня, когда Владыка Митрополит скажет нашему владыке Леонтию: “хорошо, добрый раб; за то, что ты в малом был верен, возьми в управление десять городов” (Луки 19:17).

Алексей Ростов

куда девать узелки с домашней одеждой, блистая новыми формами, новые солдаты чувствовали себя неловко. Волоков, занятый формированием, сбился с ног. Он напрасно надеялся составить личный список порученной ему колонны. В ночь двинулись, ограничившись тем, что все-таки удалось пересчитать автомашины и бойцов. Счет был точным.

Моторизованные колонны Красной армии стремились на запад на полной скорости, допущенной конструкцией американских моторов. Ночью танки уже форсировали Буг. Колонна переправлялась по только что наведенному понтонному мосту.

Польша.
 Тарнополь. Стрый. Львов. Драгобич.

Мелькали незначительные местечки, деревни, поселки.

И всюду все красноармейцы бросались за покупками. Еще бы! На рубль покупали, как на золотой. Как в царское время. И все есть. Все!

То восторженно, то встревоженно, то просто с любопытством местное население встречало Красную армию неизменными расспросами:

— А что, пан-товарищ, если вы все говорите, что у вас там все хорошо, почему же ваши паны-солдаты всякую даже дрянь у наших лавочников покупают?

Как было отвечать?

От впечатлений кружилась голова. А автоколонны мчались и мчались по живописным шоссе дорогам, и жаль было понимать, что теперь уже и здесь кончилась мирная, спокойная жизнь, что и здесь началось строительство социализма.

На походе было как-то легко и бесшабашно весело. Кругом были люди, еще не успевшие стать номерами.

он пребывал в растерянности, и думая о своем письме к Вареньке, недоумевал, сообразив, что лучше всего ждатель. И он терпеливо ждал.

А дождь шел, да шел, не переставая ни на минуту. Была глубокая ночь. Налетавшие порывы ветра больно хлестали по окну мелкими брызгами дождя. Было темно, тепло и поздно.

Свесив ноги на край кровати, навзничь и заложив руки под голову, так, как был, — в поясе и сапогах, исверх одеяла лежал старший лейтенант Волоков, командир 3-ей роты 44 авто-транспортного батальона 72-й Стрелковой дивизии.

Глаза его были открыты и вперены в черную пропасть потолка темной комнаты. Перегоняя одна другую, толпились мысли.

Чредой безвозвратной катятся годы.
 Один за другим. Один за другим...

Жизнь прошла, обошла стороной...
 Лишь осталась вот эта гитара.

Варенька. Варенька. Варенька. Варенька.
 Как это Колобок в сказке говорил? Ах, да! Вот как:

“Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...”
 Неужто ж я от Коновалова не уйду?

“Ваша докладная записка мне нужна к сроку. Смотрите, чтобы информация была подробной. Вы понимаете, что здесь дело политической важности”.

“Но, товарищ Коновалов! Ведь я не политработник. Я только строевик!...” А в сердце: “Сексота из меня все равно не сделаешь! Не пойду!”

У Коновалова удивительно острые глаза. Брат бывало говорил, что он чекиста при любых обстоятельствах по глазам узнает.

Так что же теперь делать?
 Катятся, катятся, катятся годы
 Один за другим. Один за другим.
 Придет ли радость на смену невзгоде?..
 А, может быть, все-таки я любим?

Любим? Это кто? Лю-бим.

Ах да. Любим Торцов. “Бедность не порок”. Малый театр.

Островский. Это кто? “Как закалялась сталь”.

Сталь? Сталин. Бдительность.

“Но вы же понимаете, товарищ Коновалов, что это совершенно выходит за пределы моих функций.”

“Совершенно неважно это, товарищ старший лейтенант. — Коновалов смотрит в упор. — Но крайне необходимо, чтобы именно вы составили записку о личных настроениях бойцов. Мне известно, что к вам они относятся с доверием. Функции? Функции, вы говорите... Бдительность не знает функций.”

“Если вы не понимаете такой простой вещи, значит у вас явный недостаток классового чутья. Это может быть сопряжено с последствиями для вас самого”.

Видь куда загибает! Знает чекист свою работу! Знает змей...

У Волокова по спине мурашки. Значит выбор один: либо в сексоты, либо в концлагерь. А как же школа?.. Или все это бред?.. А Варенька как же?..

Сейчас он удивлен тем, что удалось оттянуть. Расстались ни на чем. До следующего раза.

Но ведь следующий раз может быть даже и завтра! Снова больно хлестнуло дождем по стеклу.

“Мы только координируем, — говорит Коновалов. — Самую работу должен вести комсостав. Вы. И тем более лично вы, взином, что вам удалось создать атмосферу такого взаимного доверия в вашем этом струнном кружке”.

Значит, — доверять никому нельзя. Ни-ко-му! Ушла дружба из жизни. Изгнали.

Сказать Коновалову, или не сказать?..

У каждого бойца против советской власти камень за пазухой. Если писать, — значит людей губить. Если копнуть, даже просто ногтем царапнуть, так за каждым найдется столько политических преступлений, что и тюрем не хватит. Самых чекистов пересажать придется. Да чего там в теорию ударяться. Табак дело. А если не писать, значит самому погибнуть...

Как это было? Как говорила мать? Да-да. Про отца. Как? “Успел умереть”.

И сама тоже ушла от ареста. Успела. Неужели я не успею?
 (Продолжение следует)